

Феномен доверия в духовных грамотах Московских великих князей в XIV веке*

Корзинин А. Л.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург,

²Российская Федерация; korzinin-al@ranepa.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; a.korzinin@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению содержания духовных грамот Московских великих князей XIV в., содержит анализ земельных владений и политической роли великих княгинь. На основе исследования завещательных актов Ивана Калиты, Семена Ивановича, Ивана Ивановича, Дмитрия Ивановича, договорных грамот Симеона Гордого с братьями Иваном и Андреем, Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем Серпуховским автор реконструирует систему распределения сел и волостей между княгинями после смерти московских правителей. В центре внимания также оказались дискуссионные сюжеты, связанные с рассмотрением состава свидетелей в договоре Семена Ивановича с братьями и установлением личности дяди в завещательном распоряжении Симеона Гордого.

Ключевые слова: великие княгини московские, XIV век, завещания московских князей, Мария Александровна, Евдокия Дмитриевна

Для цитирования: Корзинин А. Л. Феномен доверия в духовных грамотах Московских великих князей в XIV веке // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 154–171.

The Phenomenon of Trust in the Testaments of Moscow Grand Dukes in XIV Century

Alexander L. Korzinin^{1, 2}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; korzinin-al@ranepa.ru

²Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; a.korzinin@spbu.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the investigation of the testaments of Moscow Grand Dukes in the XIV century, contains an analysis of the land holdings and the political role of the Grand Princesses. Based on the study of the testamentary acts of Ivan Kalita, Semyon Ivanovich, Ivan Ivanovich, Dmitry Ivanovich, the agreements of Simeon Gordy with brothers Ivan and Andrey, of Dmitry Donskoy with Vladimir Andreevich Serpukhovskiy, the author reconstructs the system of distributing villages and volosts between princesses after the death of Moscow rulers. Discussion topics, related to the study of the composition of witnesses in the agreement of Semyon Ivanovich with his brothers, and the establishment of the identity of his uncle in the testament of Simeon Gordy are also considered.

Keywords: Moscow Grand Princesses, XIV century, testaments of Moscow Grand Dukes, Maria Alexandrovna, Evdokia Dmitrievna

For citing: Korzinin A. L. The Phenomenon of Trust in the Testaments of Moscow Grand Dukes in XIV Century // Administrative consulting. 2022. N 3. P. 154–171.

* Статья подготовлена по итогам проведения международного Невского Форума — 2021. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

Введение

В русской истории в период раннего Средневековья случалось, что великие княгини на какое-то время становились регентами, соправительницами при своих малолетних сыновьях. Если от домонгольского периода такие случаи единичны (можно вспомнить недолгое, но насыщенное яркими событиями правление княгини Ольги после жестокой казни древлянами ее мужа киевского князя Игоря и до возмужания сына Святослава), то в послемонгольское время факты правления матерей при их малолетних сыновьях — не такое уже редкое явление.

Например, после убийства Василька Константиновича Ростовского монголо-татарами (на р. Сити 4 марта 1238 г. он был взят в плен и убит в Шеринском (Шернском) лесу за отказ сменить веру и воевать против русских на стороне монголов) его жена Мария Михайловна (дочь Михаила Всеволодовича Черниговского) держала Ростовское и Белозерское княжества при своих сыновьях Борисе Ростовском (род. в 1231 г.) и Глебе Белозерском (род. в 1237 г.) [43, с. 19–21, 154]. В 1248 г. Борис женился на дочери Муромского князя Ярослава Святославича, но, даже несмотря на совершеннолетие, мать продолжала играть важную политическую роль при своих сыновьях. В следующем 1249 г. Борис с младшим братом и Марией Михайловной находились во Владимире провожать в последний путь скончавшегося князя Василия Всеволодовича Ярославского [43, с. 22].

Анна, дочь Дмитрия Борисовича Ростовского и жена Михаила Ярославича Тверского, после гибели в Орде мужа в 1318 г. (в тверском плену умерла сестра хана Узбека Кончака, жена Юрия Даниловича Московского, который сумел настроить хана против тверского князя Михаила, и тот был по приказу Узбека убит) длительное время правила в Тверском княжестве (с 1319 по 1328 г.) [14, с. 18, 19]. Завещания тверских князей не сохранились, но, по мнению Е. Л. Конявской, косвенно о существовании духовной грамоты Михаила Ярославича свидетельствует фраза в Житии Михаила Ярославича о том, что, находясь в Орде и ожидая смерти, Михаил сыну Константину «приказываше къ княине и сыном своим, приказываше про отчину свою, и про бояре, и про тѣх, иже с нимъ были». Княгиня в этой фразе указана первой, хотя в обычном формуляре завещаний читалось: «даю радъ с(ы)номъ своимъ и кнагини своеи». Возможно, в следующей строке скрывалась фраза: «Приказываю дѣти свои своеи кнагинѣ». Из сыновей Василий еще не достиг совершеннолетия, остальные были не женаты. На попечение матери, наиболее вероятно, передавался младший — Василий. Вместе с Константином и Василием Анна Дмитриевна бежала из Тверской земли во время Федорчуковой рати. А затем зимой 1327–1328 гг., когда Александр Михайлович отправился в Псков, Анна с Константином и Василием возвратились в Тверь и Константин принял Тверское княжение [14, с. 19].

В истории Московских Рюриковичей также есть примеры правления великих княгинь (Марии Александровны после смерти великого князя Семена Ивановича, Софьи Витовтовны после кончины Василия I Дмитриевича, Елены Глинской после смерти Василия III Ивановича). В России в отличие от Западной Европы не сложился институт регентства, который мог стать легитимной основой для власти княгинь [15, с. 411–426]. Традиции московской патриархальной Руси препятствовали допущению жен великих князей к делам управления. Однако *de facto* княгини иногда осуществляли верховную власть в Московском княжестве от имени несовершеннолетнего наследника престола. В формулярах духовных грамот московских князей XIV–XV вв. можно увидеть прямые указания на передачу женам опеки, заботы, покровительства над сыновьями, которые можно охарактеризовать таким термином, как «феномен доверия». Рассмотрим пункты завещаний московских правителей, касающиеся их жен, и реконструируем внутриполитическую обстановку, которая сложилась накануне смерти великих князей.

Духовные грамоты Ивана Калиты

Впервые распоряжение относительно жены встречается в завещаниях Ивана Даниловича Калиты. По мнению Л. В. Черепнина, обе духовные грамоты являются двумя составленными одновременно завещательными актами (вариантами одной духовной), которые Иван Калита возил в Орду в 1339 г. [10, № 1, с. 7–11; 41, с. 29]. С точки зрения В. А. Кучкина, грамоты относятся к разному времени, по содержанию отличаются друг от друга, первое завещание Ивана Калиты было составлено в 1336 г., а второе — в 1339 г. [27, с. 214–222; 28; 29]. Иван Данилович приказал своих детей и свою княгиню старшему сыну Семену Ивановичу. В завещании он давал «ряд» своим сыновьям и жене, устанавливал порядок взаимоотношений между ними, распределял движимое и недвижимое имущество. У старшего сына Семена были младшие братья Иван и Андрей и сестры. По обоснованному мнению В. А. Кучкина, две дочери Мария и Феодосия, упоминаемые в завещательном распоряжении, происходили от второго брака Ивана Калиты с Ульяной, а старшая Фетинья родилась от первого брака с Еленой [27, с. 218]¹. В связи с совершеннолетием Семена Ивановича речи, конечно, не шло о регентстве княгини Ульяны. В духовной грамоте говорилось о том, что младшие братья, великая княгиня с меньшими детьми поручается покровительству и заботе старшего сына Семена: «А приказываю тобѣ, с(ы)ну моему Семену, братю твою молодшую и княгиню свою с меншими дѣтми, по б(о)жѣ ты имъ будешь печалникъ». Духовные грамоты Ивана Калиты содержат первое упоминание о владениях московских княгинь. Своей жене Ульяне «с меншими детми» (Марии и Феодосии) Иван Калита завещал волости Сурожиж, Мушкову гору, Радонеж, Бели, Ворю, Черноголовль, на Воре слободку Софроновскую, Вохну, Деиково Раменье, Данилищеву слободку, Машев, Селну, Гуслицу, Раменье, «что было за княгинею», села Михайловское, Луцинское, село у озера, Радонежское, Деигунинское, Тыловское, Рогож, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на р. Яузе, два села коломенские. Из городских волостей московский князь передал жене сбор осмничего (разновидность торговых пошлин) [28, с. 106–107; 29, с. 130]². По наблюдению В. А. Кучкина, младшие дочери Ульяны в момент составления завещания были несовершеннолетними, поэтому именно мать должна была вести управлением переданных мужем волостей, при нераздельности владений с дочерьми княгиня выступала верховным собственником всех завещанных владений [27, с. 220]. В духовной Ивана Калиты ничего не сказано о том, что княгиня Ульяна будет владеть волостями, селами пожизненно, однако, из завещания сына Калиты Ивана Ивановича 1359 г. становится понятно, что это подразумевалось в соответствии с существовавшей традицией пожалования владений княгиням. Вероятно, первые московские княгини еще не имели права передавать некоторые свои земли (купли, примыслы) по наследству. По мнению А. Б. Мазурова, вотчинных владений у московских княгинь ни в коломенских, ни в иных землях до конца XIV в. не существовало [37, с. 133]. Однако Е. Л. Конявская обратила внимание на ранее упоминание о куплях великих княгинь во втором завещании Ивана Калиты. В тексте говорится о селе Павловском «бабы нашее купля», т. е. о селе, приобретенном женой Александра Невского во второй половине XIII в. [13, с. 18, 19; 29, с. 131].

Духовная грамота Ивана Даниловича — первое из дошедших до нас завещаний московских князей. Ю. Г. Алексеев отмечает, что предшественники Ивана Калиты на московском столе письменных духовных грамот не составляли (о них не сохранилось никаких упоминаний в источниках), а, возможно, давали завещательные распоряжения в традиционной со времен Ярослава Мудрого форме устного «ряда»

¹ Княгиня Елена умерла в 1331 г. (ПСРЛ. Т. 1. Вып. 3. Л., 1928. С. 531).

² О локализации владений Ульяны см.: [8, с. 18–21; 36, с. 33–34, 41].

[3, с. 94–95]. Передавали ли московские правители до Ивана Калиты владения своим женам или нет, сказать трудно. Но исключать этого не следует. В семье Даниила Александровича, первого московского князя, родились семь сыновей и одна дочь, из которых после смерти Даниила 5 марта 1303 г. в живых остались сыновья Юрий, Иван, Александр, Борис, Афанасий и дочь Анна [23, с. 9–10]. Юрий Данилович Московский в первом браке был женат на дочери ростовского князя Константина Борисовича и имел дочь Софию, которая в 1320 г. вышла замуж за Константина Михайловича Тверского. Сам Юрий Московский после смерти в 1317 г. второй жены Агафьи-Кончаки, сестре хана Узбека, до своей кончины 21 ноября 1325 г., оставался вдовцом и не имел наследников мужского пола [23, с. 11–12]. Пожалования недвижимостью великих княгинь «на прокорм» практиковались в Древней Руси, хотя об этом сохранились единичные упоминания. Например, Волынский князь Владимир Василькович, умерший 10 декабря 1288 г., незадолго перед смертью повелел составить письменное завещание, где передавал своей жене княгине Ольге Романовне «по своему животу» «городъ свои Кобынь и с людьми и з данью», а также села Городель «с мытом», Садовое и Сомино. Кроме того, жене достался монастырь Святых Апостолов вместе с селом Березовичи [11, с. 114–115]¹. Таким образом, княгине завещались немалые территории с правом собирать дань и мыто. Бездетный князь не мог передать наследство сыновьям, основные владения («землю свою всю и городы») он завещал двоюродному брату луцкому князю Мстиславу Даниловичу [13, с. 9].

Из договора Московского великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном и Андреем Ивановичами, составленного ок. 1350–1351 гг. (по Л. В. Черепнину [10, № 2, с. 12; 42, с. 22]), в марте-мае 1351 г. (по В. А. Кучкину [18, с. 131–140]), выясняется, что Симеону передала по завещанию земли его тетка княгиня Анна, которую исследователи убедительно идентифицируют с дочерью Даниила Московского, вышедшей замуж за рязанского князя, возможно, за Александра Михайловича Пронского либо Ивана Ивановича Коротопола [22, с. 7–9; 5, с. 71–72; 1, с. 8–9]. В dokonчании с братьями Симеон указал на доставшееся ему от родственницы владение: «Или что ма благословила которыми волостями тетка моя княгиня Анна, Заячковым... Тешевым... свободкою, или что есмь прикупил Забереги» [10, № 2, с. 12]². В. А. Кучкин добавляет еще одну волость Гордошевичи, полученную Симеоном от тетки Анны, утраченную в дефектном тексте договора Симеона с братьями 1351 г., но упоминающуюся в завещании московского князя вместе с волостью Заячковым [10, № 3, с. 13; 22, с. 8–9]. По наблюдениям историка, эти волости лежали в бассейне среднего течения р. Протвы южнее Вереи и Боровска, входивших в состав Рязанского княжества, следовательно, тоже были рязанскими³. Судя по расположению этих волостей, они не могли быть завещаны Анне отцом Даниилом Московским, а, очевидно, были получены княгиней по завещанию от мужа.

Завещание Симеона Ивановича Гордого

Следующая духовная грамота, которая содержит ценную информацию о передаче власти и земель великой княгине, это духовная грамота Семена (Симеона) Ивановича [10, № 3, с. 13–14; 30]. Документ был составлен в период между 18 марта —

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. СПб., 1908. С. 903–904.

² О местонахождении указанных волостей княгини Анны см.: [36, с. 56, 58; 22, с. 8–9; 9, с. 31–32].

³ В. А. Кучкин помимо волости Гордошевичи, ссылаясь на договор московского князя Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем 1372 г., допускает владение Анной соседними с Заячковым и Гордошевичами волостями Вышгородом, Рудью, Кропивной, Гремичами и Сушевым [21, с. 264; 22, с. 8–9].

26 апреля, по мнению Л.В. Черепнина [42, с. 25], либо 24–25 апреля 1353 г., с точки зрения В.А. Кучкина [24, с. 104–106]. Один из важных датирующих признаков душевной грамоты Симеона для В.А. Кучкина — это имя Созонт, которым Симеон обозначен в интитуляции: «Се аѣз, худый грѣшныи рабъ б(о)жии Созонтъ». С точки зрения исследователя, Созонт — это монашеское имя Семена, следовательно, завещание было составлено после принятия московским князем схимы за один-два дня до смерти [24, с. 104–106]. Однако Ф.Б. Успенский и А.Ф. Литвина в недавно опубликованной монографии подтвердили точку зрения М.Н. Тихомирова, доказав, что Созонт было не иноческим, а крестильным именем Семена Ивановича [41, с. 33, 39; 35, с. 45–47, 67–72, 80, 88–89]. Следовательно, духовная была составлена Созонтом-Симеоном Ивановичем еще до пострига.

В инскрипции грамоты Семена Ивановича в отличие от завещания Ивана Калиты, обращавшегося к своим сыновьям и жене («даю рад с(ы)н(о)м своимъ и княгини своѣи»), указана лишь одна жена («даю рад своѣи княгинѣ»). Кроме этого, в завещании Симеона Гордого встречается упоминание наравне с великой княгиней дяди Василия: «велѣл ес[м]ь у нее быти своему дадѣ Василью» [30, с. 123]. Согласно предсмертной воле московский князь приказывает свою княгиню, своего дядю и своих бояр братьям Ивану Звенигородскому и Андрею Серпуховскому: «А по б(о)зѣ приказываю своѣи [б]рат(ь)еѣ, княз(ю) Ивану и княз(ю) Ан[др]ѣю, свою княгиню и своег(о) [дадю] и свои бояре» [Там же].

Симеон Гордый умер 27 апреля 1353 г. от легочной чумы. В браке с Марией Александровной Тверской у московского князя родились 4 сына: Даниил, Михаил, Иван и Семен. В летописи сказано о смерти в марте 1353 г. двух младших сыновей Ивана и Семена¹. Прямых данных о смерти старшего сына Даниила (род. 15 декабря 1347 г.) и Михаила (род. 7 сентября 1349 г.) нет. В.А. Кучкин полагает, что Даниил и Михаил к моменту составления завещания были живы [17, с. 151–158; 23, с. 15].

По мнению В.А. Кучкина, главная причина отсутствия сыновей в завещании заключалась в том, что «выделяя доли наследникам, жене и двум сыновьям, Симеон безнадежно дробил бы свои владения и сводил бы на нет перспективы сохранения за своим потомством великокняжеского стола в Москве и во Владимире. Ведь сильнее любого из его сыновей становился каждый из братьев Симеона. Вот почему великий князь своим завещанием воспрепятствовал мельчанию своих владений и сохранил их единство, передав в руки жены» [17, с. 158].

Можно предложить более простое объяснение отсутствия старших сыновей Семена Ивановича в его духовной грамоте. Их просто не было в живых к моменту написания завещания [39, с. 170; 43, с. 25]. Данное наблюдение, к сожалению, невозможно подтвердить в связи с полным отсутствием летописных данных о времени смерти Даниила и Михаила. Однако отсутствие в завещании московского князя даже малейшего намека на старшего сына Даниила, которому накануне смерти отца было бы 5 лет и 4 месяца, и Михаила, которому исполнилось бы 3 года и 7 месяцев, выглядит беспрецедентным. Ко времени составления первой духовной грамоты Ивана Калиты в 1336 г. его старшему сыну Семену (род. 7 сентября 1317 г.) исполнилось 18 полных лет, а младшему Андрею (род. 4 июля 1327 г.) 8 лет [23, с. 12; 28, с. 106–107]. В первом фрагментарно сохранившемся завещании Дмитрия Ивановича (январь 1372 г.) наследником прикупленных Дмитрием Донским и его братом Иваном Ивановичем сел, починков объявлялся только появившийся на свет сын Василий (род. 30 декабря 1371 г.), а во второй духовной грамоте завещатель поделил земли Московского княжества между всеми своими сыновьями, причем младшему сыну Юрию (род. 26 ноября 1374 г.) исполнилось

¹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 98.

тогда 14,5 лет, Ивану (появился на свет в первой половине 1378 г.) 11 лет, Андрею (род. 14 августа 1382 г.) чуть больше 6,5 лет, а Петру (род. 29 июля 1385 г.) 3 года и 9 месяцев [23, с. 19; 33; 34]. Если бы у Семена Ивановича были живы сыновья, он, согласно установившейся традиции наследования земель внутри московского княжеского дома, обязательно должен был распределить между ними владения и власть, но великий князь этого не сделал.

Что касается упоминания дяди в завещательном распоряжении Семена Ивановича, то В. А. Кучкин убедительно доказал, что под словом «дядя» имелся в виду дядька, воспитатель, кормилец, и что речь шла о Василии Протасьевиче-Вельяминовиче [17, с. 153–156]. Об отождествлении Василия тысяцкого, упомянутого в договоре Семена Ивановича с братьями 1348 г. [10, № 2, с. 13], с московским тысяцким Василием Протасьевичем, писал еще С. Б. Веселовский [4, с. 212–213]. Однако А. Е. Пресняков и Л. В. Черепнин, напротив, считали, что под Василием тысяцким в 1348 г. подразумевался В. В. Вельяминов, старший сын Василия Вельяминовича [39, с. 167–168, прим. 5; 33, с. 27]. По данным С. Б. Веселовского, Василий Протасьевич умер в период между 1347–1356 г. [4, с. 212–213]. Известно, что после него московским тысяцким был Алексей Петрович Хвост Босоволков, убитый 3 февраля 1357 г.¹ Главное возражение против отождествления тысяцкого Василия с Василием Вельяминовым заключается в том, что в dokonчании 1348 г. тот вряд ли мог быть записан ранее своего тестя боярина Михаила Александровича [10, № 2, с. 13]. В тексте Рогожского летописца в статье под 6866 (1357/1358 г.) сохранилась запись, связанная с возвращением великого князя Ивана Ивановича из Орды: «а што бояре были на Рязани Михаило, зять его Василеи Васильевич(ъ), а техъ въ Ордѣ принялъ»². В летописце помещено косвенное указание на участие в заговоре против А. П. Хвоста Босоволкова Михаила Александровича и Василия Васильевича, которые после убийства Босоволкова бежали в Рязань, а немного позже стали искать прощения у московского князя Ивана Ивановича и выехали из Рязани в Орду: «Тое же зимы [1357 г. — АК] по послѣдънемуу поуту болшии бояре Московские того ради оубииства отѣхаша на Рязань съ женами и зъ дѣтьми» [4, с. 214–215]³. Видно, что Василий Вельяминов записан в нарративном источнике перед его тестем Михаилом Александровичем.

В договоре Семена Ивановича с братьями 1348 г. помимо тысяцкого Василия фигурирует великокняжеский боярин с отчеством «Васильевич» (в связи с дефектами текста dokonчания его имя выкрошилось и не поддается прочтению), указанный в списке бояр-послухов после Михаила Александровича и перед Василием Окатьевичем [10, № 2, с. 13]⁴. Можно предположить, что это сын тысяцкого Василия Протасьевича-Вельяминовича Василий либо его младший брат Федор, носивший прозвище Воронец (родоначальник Воронцовых-Вельяминовых). С. Б. Веселовский отмечал, что Федор Вельяминович был боярином при великом князе Симеоне и в малолетство Дмитрия Ивановича Московского [4, с. 216, 493]. В «Повести о митрополите Алексее» автор сообщает об игумене Московского Богоявленского монастыря Стефане, старшем брате Сергия Радонежского, что он был духовником великому князю Семиону, «также и Василью тысяцкому, и Феодору, брату его, и прочим боаром старѣйшим»⁵. Скорее всего, в dokonчании 1348 г. третьим среди послухов указан не Федор, а старший сын Василия Протасьевича Василий, поскольку перед ним записан его тесть

¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 65.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813. № 23. С. 37.

⁵ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 31.

Михаил Александрович [17, с. 153]. И в поминальной записи древнейшего синодика Успенского собора Московского Кремля, как и в договоре 1328 г., первым зафиксирован тысяцкий Василий Вельяминович, после него Михаил Александрович, а вслед за ними тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов¹. Василий Васильевич Вельяминов не мог быть указан тысяцким в докончании 1348 г., поскольку должность московского тысяцкого могла ему достаться лишь после гибели Алексея Хвоста Босоволкова, тысяцкого в период после 1348 г. (составления текста докончания Симеона Гордого с братьями, где тысяцким назван Василий Протасьевич, а сам Алексей Петрович находился в опале) и 3 февраля 1357 г. (своей смерти²) [4, с. 244; 10, № 2, с. 13]. Указанный период можно сузить. Если ко времени написания завещания Семена Ивановича был жив его дядя московский тысяцкий Василий Протасьевич, то Хвост Босоволков находился на должности тысяцкого после марта-апреля 1353 г. до 3 февраля 1357 г.

Трудно согласиться с мнением В. А. Кучкина о том, что под дядей, воспитателем в духовной грамоте Семена Ивановича подразумевался не дядя самого Симеона, а кормилец его сыновей, поскольку, когда родился Семен (в 1317 г.), тысяцким был отец Василия Протасьевича Протасий Федорович (указан тысяцким в 1326 г.) [17, с. 156]. К 1326 г., когда тысяцкий Протасий впервые упоминается в источниках (в Житии митрополита Петра³), он уже был зрелым человеком. Последний раз боярин Протасий указан в известии о закладке церкви Богоявления в 1340 г., вскоре после этого он умер [4, с. 212]. Родословцы сообщают о том, что Протасий Федорович начал службу при дворе Даниила Александровича, отца Ивана Калиты, и, очевидно, являлся его боярином, поскольку вместе с великим князем прибыл из Владимира в Москву: «А у Федора сын Протасей, приехал из Володимера с великим князем Данилом, а был у великого князя Ивана Даниловича тысячкой»⁴. Известно, что малолетнего князя Даниила воспитывал его дядя великий князь Владимирский Ярослав Ярославич. После смерти Ярослава в 1271 г. Даниил стал самостоятельно править в Московском княжестве⁵. 5 марта 1303 г. Даниил Московский скончался⁶. Следовательно, службу Протасия Федоровича в боярах Даниила Александровича следует отнести ко времени между 1271–1303 гг. Только при Иване Калите (а не его старшем брате Юрии Даниловиче) Протасий стал тысяцким, поэтому можно высказать предположение, что Протасий мог являться дядей, воспитателем Ивана Даниловича (род. не позднее 1284 г. [23, с. 12]).

Любопытно, что Протасий Федорович носил два имени. Его также звали Вениамином (от этого имени впоследствии пошла фамилия Вельяминовых). С. Б. Веселовский специально не занимался вопросом о двуименности Протасия-Вениамина, однако отметил: «Неизвестно, был ли Протасий Федорович “Вельяминовым”, т. е. внуком или потомком Вениамина, кстати сказать, неизвестного родословной легенде, или Протасий было его прозвище, а “прямое”, или “молитвенное”, имя было Вениамин» [4, с. 212]. Историк оказался недалек от истины. Протасием будущий тысяц-

¹ Древняя Российская вивлиофика. Ч. 8. М., 1788. С. 450; Синодик Успенского собора Московского Кремля. XV в. // ОР ГИМ. Синодальное собр. № 330. Л. 67 об.; Список Синодика Успенского собора Московского Кремля. Конец XV в. // РГАДА. Мазуринское собр. (Ф. 196). Оп. 1. Ед. хр. 289. Л. 154 об.

² ПСРЛ. Т. 18. С. 99 (смерть датирована 3 февраля 6864 года по мартовскому стилю).

³ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 129.

⁴ Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 65; Родословная книга по трем спискам // Временник Общества истории и древностей Российских. Кн. X. М., 1851. С. 90; Род Воронцовых-Вельяминовых (родословная роспись конца XVII в. в копии начала XX в.) // Архив СПб ИИРАН. Ф. 131 (Ю. В. Татищева). Оп. 1. Ед. хран. 108. Л. 12.

⁵ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 474; Т. 18. С. 72, 74.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927. С. 486.

кий был наречен в честь мученика Протасия Медиоланского. В православном именослове имеется только одна дата поминания Протасия — 14 октября. В этот день Церковь празднует память святых мучеников Назария, Гervasия, Протасия и Келсия, принявших мученическую смерть в Медиолане при римском императоре Нероне¹. Протасий было публичным именем, которое использовалось в повседневной жизни, быту, обиходе, на службе. Под именем Протасий тысяцкий фигурирует в Житиях митрополита Петра и Сергия Радонежского, записи о закладке церкви Богоявления в домово́й книге Богоявленского монастыря [4, с. 212]². Однако в древнейшем синодике Московского Успенского собора записан не Протасий, а Вениамин Федорович с сыном Василием Вельяминовичем³. Следовательно, Вениамин — это прямое или молитвенное имя Протасия, данное ему при крещении. Именины Вениамина в течение года празднуются более десятка раз. Но очевидно, что новорожденный был наречен при крещении во имя священномученика диакона Вениамина Персидского, именины которого отмечаются 13 октября⁴, за день до поминания Протасия Медиоланского.

Протасий вряд ли был дядей Симеона Гордого, родившегося в 1317 г., поскольку к этому времени достиг зрелого возраста сын Протасия Василий. В княжение Семена Ивановича Василий Протасьевич стал тысяцким неслучайно. Он унаследовал от отца звание московского тысяцкого потому, что воспитывал сына великого князя Ивана Калиты Семена.

В завещании Симеона Гордого 1353 г. «своим дядей» великий князь называл не воспитателя своих детей Василия Васильевича Вельяминова, а собственного воспитателя, дядю, тысяцкого Василия Протасьевича, который находился уже в преклонном возрасте. Семен Иванович употребляет личное местоимение «свой» применительно к дяде («свой дада») точно также, как и к своей жене («своя княгиня»). Сын Василия Василий Васильевич Вельяминов стал дядей племянника Семена Ивановича Дмитрия Ивановича (род. 12 октября 1350 г.⁵). В жалованной грамоте новоторжцу Евсевию, датированной 1363–1374 гг., Дмитрий Московский приказывает его блюсти «дадѣ св[ое]му Василью тыс(а)цкому» [2, с. 260]. Заметно, что и Дмитрий называл своего наставника «дядей своим». Василий Васильевич мог занять место московского тысяцкого только после смерти Хвоста Босоволкова в 1357 г., и очевидно тогда же он начал исполнять функции дяди, воспитателя Дмитрия Ивановича (княжичу в то время было немногим более 6 лет). Василий Васильевич Вельяминов скончался 17 сентября 1374 г. и был похоронен в Московском Богоявленском монастыре⁶.

Вероятно, в связи с ранними смертями всех сыновей Симеон Гордый составил завещание в пользу супруги Марии Александровны, которой передавал владения, полученные им от отца Ивана Калиты: города Коломну и Можайск «с волостями и съ селы и з бортью» (благословение отца великого князя Ивана Калиты), волости Заячков (благословение тетки княгини Анны), Гордошевичи, жеребей тамги в Москве, в городском уезде Москвы села Напрудское, Новое на Купавне, Островское, Орининское, Малаховское, Копотенское, Остафьевское на р. Клязьме, Илмовское, Хвостовское на р. Клязьме, Деигуинское, село на Сулишине погосте, свою куплю село Самаровское в Переяславле, села Романовское на

¹ Архимандрит Сергей. Полный месяцеслов Восточка. Т. 2. Святой Восток. М., 1876. С. 273.

² ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. СПб., 1908. С. 328–329; Т. 11. С. 129.

³ Древняя Российская вивлиофика. Ч. 8. С. 450; Синодик Успенского собора Московского Кремля. XV в. Л. 67 об.; Список Синодика Успенского собора Московского Кремля. Конец XV в. Л. 154 об.

⁴ Архимандрит Сергей. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. С. 272.

⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 97.

⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 115 (дата 6882 года дана по мартовскому стилю).

р. Киржаче, Ортаковское в Юрьевской волости, свою куплю (приобретенную у Ивана Овцы) село Семеновское во Владимирской волости, село Олександровское на Костроме, свою куплю (у Ивана Друцкого) село в Дмитрове, свою куплю (у князя Семена Новосильского) село Заберег [30, с. 123–124]. Дядя Симеона Гордого старейший боярин и московский тысяцкий Василий Протасьевич по замыслу великого князя должен был обеспечивать защиту и поддержку великой княгини, находиться неотлучно при ней («велѣл ес[м]ь у нее быти своему дадѣ Василью»). Авторитет первого боярина думы, его политический вес и могущество (тысяцкий командовал «тысячей», т. е. московским городским ополчением, возглавлял администрацию Москвы, ведал судопроизводством) должны были помочь Марии Александровне сохранить отчину московских великих князей.

Фактически не брат Иван Иванович, а жена великая княгиня Мария становилась главной наследницей Семена Ивановича, ей переходили земли, составлявшие ядро Московского княжества. Как уже отмечалось, в отличие от отца Ивана Калиты, установившего ряд (договор) своим сыновьям и жене, Симеон Гордый дал ряд исключительно своей жене великой княгине. Однако, по меткому замечанию Ю. Г. Алексеева, княгиня Мария Александровна становилась не столько политической, сколько личной наследницей мужа, политическими наследниками князя являются прежде всего его братья, на которых и возлагается общий контроль за исполнением распоряжений Семена: «Положил есмь на б(о)зѣ и на вас, на свои [братьи, та]ко имети блюсти по нашему докончанью, тако т[огда м]ы ц[е]ловали кр(е)сть оу отна гроба» [3, с. 101]. Неслучайно полное умолчание в завещании о Москве, основном объекте власти московского князя: «Бездетный князь Семен не может распоряжаться столицей княжества, которой он по духовной отца владел совместно с братьями. После него к братьям, естественно, переходит его доля и в управлении Московским княжеством как политическим целым» [3, с. 101]. Мария Александровна, как и другие московские великие княгини, не получила права участия в управлении столицей наравне с братьями великого князя, ей была передана только часть московских пошлин (тамги). В связи с особой политической ролью, которую Семен отводил своим братьям, он в итоге приказал им свою жену, дядю и всех своих бояр: «А все есмь се положил на б(о)зѣ и на свои братѣ на князи на Иванѣ и на князи на Андрѣи» [30, с. 124].

Назначение жены своей преемницей в политической обстановке того времени было труднореализуемой задачей. По справедливому наблюдению В. А. Кучкина, «Владимирское великое княжение не было отчинным наследственным владением московских князей. Симеон не мог назначать управлять им свою княгиню, Владимирский великокняжеский стол находился под контролем ордынского хана, который и давал этот стол политически благонадежному по отношению к нему русскому князю. Полагать, что Орда сделает Марию Александровну преемницей своего мужа на владимирском столе, было абсурдом» [17, с. 158]. Несмотря на личные предпочтения Семена Ивановича, великокняжеский стол перешел к его брату звенигородскому князю Ивану Ивановичу Красному (род. 30 марта 1326 г. [23, с. 12]), который отобрал у великой княгини Марии значительную часть завещанных ей владений и материальных поступлений от пошлин. К моменту написания завещания Иваном Ивановичем одни земли у нее частично были уже отняты, другие, согласно второй духовной Ивана Ивановича (1359 г.), «по ее животе» перешли его жене и сыновьям [21, с. 252–254, 264–266].

Духовные грамоты Ивана Ивановича Красного

Сохранились две духовные грамоты Ивана Ивановича. По мнению Л. В. Черепнина, обе духовные являются противнями (списками), сделанными на основе одного

черновика, около 1339 г. [10, № 1, с. 7, 11; 42, с. 29]. С точки зрения В. А. Кучкина, это два разных завещательных акта, причем второй вариант духовной, опубликованный Л. В. Черепниным в сборнике документов «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей», на самом деле был составлен раньше первого экземпляра, весной-летом 1359 г., а вторая духовная грамота появилась в октябре — первой декаде ноября 1359 г. [21, с. 240–242].

Иван Иванович Красный восстановил формулировку духовной грамоты отца Ивана Калиты о ряде своим детям и княгине, но добавил к ним своего двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. В интитуляции грамоты помещена строка: «даю радъ своимъ с(ы)н(о)мъ, княз(ю) Дмитрею и княз(ю) Ивану, и своему брат(а)ничу, княз(ю) Володимеру и свои княгини». Города Можайск и Коломна со всеми волостями, селами, тамгою, бортью и со всеми пошлинами, входившие в домен князей Московских, завещались старшему сыну Дмитрию. Передача Дмитрию Можайска и Коломны означала, что они были отняты Иваном Ивановичем у вдовы Семиона Гордого Марии, которая получила два важнейших после Москвы центра с округами по духовной мужа [21, с. 254]. Несмотря на юный возраст наследника престола Дмитрия Ивановича (род. 12 октября 1350 г.), вероятно, памятуя о предсмертной воле своего старшего брата в отношении его жены Марии Александровны, Иван Иванович в своем завещании не стал усиливать роль супруги, передав основную территорию Московского княжества сыновьям. Да и размеры владений, доставшиеся княгине Александре от мужа, были весьма скромными, часть сел «на прожиток» ей была пожалована из удела Марии Александровны. По обоснованному мнению В. А. Кучкина, Иван Иванович сознательно отверг средневековые юридические нормы, согласно которым до совершеннолетия детей их опекала мать и поэтому они не могли непосредственно наследовать имущество и владений отца, и выделил уделы своим малолетним наследникам: «Политические расчеты великого князя вели к игнорированию утвердившихся в обществе правовых норм и установлению своих, расходившихся с общепринятыми, в интересах собственной семьи, главным образом сыновей, которые должны были стать преемниками Ивана на великокняжеском столе» [21, с. 247–248].

В текстах двух духовных грамот Ивана Ивановича упоминаются владения за княгиней Марией, вдовой великого князя Симеона Гордого, переданные ей «до ее живота» (пожизненно), а «по ее животъ сыну моему, князю Дмитрию»: волости Городна, Мезынь, Песочна, Середокоротна, Похряне, Усть-Мерска, Брашева, Гвоздна, Сельцо, Ивань, Деревни, Маковец, Левичин, Скулнев, Канев, Кошира, Гжеля, Горки, Горетовка, Мещерка, село в Похрянском уезде на р. Северке, села Малино, Холмы, Костантиновское, Орининское, Островское, Копотенское, Микульское, Малаховское, Напрудское, Илмовское, Новое [31, с. 98; 32, с. 94–95]¹. За Марией Александровной на юго-западе от Москвы на границе с Рязанским княжеством находились также волости Заячков и Заберег (Заберега) «с мѣсты», которые после ее смерти должны были достаться жене Ивана Ивановича Александре [31, с. 100; 32, с. 98]. Несмотря на конфискацию деверем значительной доли владений, Мария сохранила за собой крупный массив земель (22 волости, 3 коломенских села, 9 подмосковных сел), который по объему значительно превышал удел жены Ивана Ивановича.

В завещаниях Ивана Ивановича фигурирует княгиня Ульяна (вдова Ивана Калиты). О ней сказано, что по духовной Ивана Даниловича она владеет волостями, селами, осмничим «до своего живота», а после ее смерти ее владения должны быть поделены между князьями Дмитрием, Иваном, Владимиром Андреевичем

¹ Подробнее о локализации волостей и сел Марии Александровны см.: [8, с. 22–24; 21, с. 230–231, 255–256, 265; 37, с. 67–78; 9, с. 28–30, 33].

Серпуховским и женой Ивана Ивановича Александрой «на четверо, безъ обиды». При этом волость Сурожиж и село Лучинское по указанию великого князя Ивана Московского передавались дочери Ульяны [31, с. 99–100; 32; с. 96, 99]. Очевидно, что под дочерью Ульяны имелась в виду ее вторая, младшая дочь Феодосия, поскольку старшая дочь Мария к маю 1359 г. умерла [18, с. 264, 272]. Княгиня Феодосия скончалась к маю 1389 г., так как по второму завещанию Дмитрия Донского волость Сурожиж передавалась им своему сыну Юрию Звенигородскому, а село Лучинское — сыну Андрею Можайскому [34, с. 133, 134].

Своей жене Александре Иван Иванович завещал скромный по размерам удел: коломенские волости Похряне, Песочну, Середокоротну, село Лысцовское, на Москве сельцо Семцинское, в Звенигороде волости Угож, Великую слободу Юрьеву, села Кляповское, Белцинское, Новое, и треть «из дву жеребьевъ» московской тамги. После смерти великой княгини эти владения под Москвой и Звенигородом должны были быть поделены между князьями Дмитрием и Иваном, «в которого оуздѣ, то того и есть» [31, с. 99; 32; с. 97]¹. Статья о передаче Александре коломенских волостей Похряне, Песочни, Середокоротны вступает в противоречие с предшествующим ей пунктом завещания о держании тех же самых волостей Марией Александровной «до живота». Поэтому не исключено, что Мария данные ей мужем владения все же утратила, и Иван Иванович передавал их своей жене [21, с. 263–264].

Можно согласиться с мнением В.А. Кучкина о том, что завещательные акты Ивана Ивановича отразили достигнутый компромисс внутри московского княжеского дома, поскольку за вдовой Семена Ивановича Марией, несмотря на захват у нее Коломны, Можайска, нескольких коломенских волостей, было оставлено большинство коломенских волостей и волостей на юго-западе Московского княжества. Своими завещательными актами Иван Московский обеспечил преемственность великокняжеской власти за старшим сыном Дмитрием [21, с. 278–280].

Завещания Дмитрия Ивановича Донского

До нашего времени дошли два завещания Дмитрия Ивановича. Первую духовную грамоту Л.В. Черепнин датировал 1375 г., а вторую грамоту — периодом между 13 апреля — 16 мая 1389 г. [10, № 8, с. 24–25; № 12, с. 33–37; 42, с. 58–59]. С точки зрения В.А. Кучкина, первая душевная грамота Дмитрия Ивановича была написана в январе 1372 г., а второй завещательный акт — в период между 25 марта — 16 мая 1389 г. [25, с. 62–67, 71; 26, с. 122–123; 33, с. 110; 34].

Первое завещательное распоряжение Дмитрия Донского содержит значительные утраты текста и начинается со статьи о передаче звенигородских волостей Замошской слободы, Рузы, Угожи, Вышгорода, Истервы, Дмитриевой слободы жене Евдокии Дмитриевне и «дѣтемъ», т.е. дочерям [25, с. 68; 33, с. 110]. Женой Дмитрия Ивановича была Евдокия Дмитриевна, старшая дочь князя Суздальско-Нижегородского Дмитрия Константиновича (другая его дочь Мария вышла замуж за боярина Микулу Васильевича Вельяминова, сына тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова) [23, с. 17; 16, с. 238–239].

К моменту составления второй духовной грамоты Дмитрия Донского его старшему сыну Василию (род. 30 декабря 1371 г.²) исполнилось 17 лет, возраст достаточно юный для правителя, когда ему еще требуются наставники. Кроме Василия у Дмитрия имелись младшие сыновья Юрий, Андрей, Петр, Иван, упоминаемые в тексте заве-

¹ О локализации коломенских владений княгини Александры см.: [8, с. 24–25; 37, с. 67–79; 21, с. 262–263].

² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 99.

щания, и Константин (родился за несколько дней до смерти Дмитрия Донского). Именно в духовной грамоте Дмитрия Донского впервые появляется фраза, отразившая построение новой модели взаимоотношений между сыновьями великого князя и их матерью. В дальнейшем это нововведение будет неоднократно повторяться в завещаниях Василия I Дмитриевича, Василия II Темного: «Приказываю дѣти свои своеи великои кнагинѣ. А вы, дѣти мои, живите заодин, а матери своее слушаите во всем» [34, с. 132]. Великая княгиня по завещанию выступала в роли гаранта выполнения воли мужа, а также в роли арбитра во внутрисемейных спорах, разделе владений между сыновьями [3, с. 106; 26, с. 126, 180]. Начиная с духовного завещания Дмитрия Донского, жены московских правителей стали официально выступать гарантами исполнения завещаний своих мужей¹. Отныне после смерти супругов великим княгиням поручался раздел выморочных владений своих детей, пересмотр состава уделов, в случае, если кто-то из сыновей утратит владение, распределение прежнего удела князя, который вступал в права главы княжеского дома [12, с. 180–181]. Предсмертная воля Дмитрия Ивановича символизировала особое доверие к Евдокии Дмитриевне и большую ответственность, которая на нее возлагалась.

Дмитрий Донской первым из московских князей выделил своей жене владения из уделов сыновей. Великая княгиня получала свою долю во владениях своих детей и становилась полноправным членом московского правящего дома. Евдокии Дмитриевне были пожалованы из владений старшего сына Василия волости Юлка в Переяславле, Иледам и Комела в Костроме, волости Канев, Песочня в Коломне, села Малинское и Лысцово, из удела Юрия Звенигородского Соль Галицкая, волость Юрьева слобода в Рузе, волости Суходол с Истью и Истервою в Звенигороде, села Ондреевское и Каменское, из удела Андрея Можайского село Вольское на Белоозере и волость Шаготь и Милолюбьский ез в Пошехонье, села Ондреевское во Владимире, село Доброе в Переяславле, Верея, волость Числов в Можайске, село Луцинское (Лучинское) на р. Яузе под Москвой, из владений сына князя Петра Дмитровского волости Ижво и Сяма в Дмитрове. После смерти вдовой княгини эти земли должны были вернуться в уделы сыновей Дмитрия Донского [34, с. 134]².

В вотчину жене Дмитрий Иванович передал свои «примыслы» Скирменовскую слободку с Шепковым, волость Смоляну с Митяевским почином, с бортью и вышегородскими бортниками, волости Кропивну с кропивенским, исенским, гордошевскими и рудскими бортниками, Желескову слободку с бортью и с селом Ивановым Хороброва, Исконскую слободку, Кузовскую слободку, в Коломне Самоилецев починок с деревнями, Савельевский починок, села Микульское, Бабышево, Ослебятевское, в Подмоскovie села Семцинское с Ходынской мельницей, Остафьевское и Илмовское, в Юрьеве села Петровское, Фроловское и Елох, а также волости Холхол и Заячков, и купли самой княгини села Лохно, Репенское и Лыткинское [34, с. 134].

Во втором завещании Дмитрия Донского упоминаются также «примыслы» Феодосии волости Суда на Белоозере, Колашна и Слободка, которыми она благословила Дмитрия Московского, и волости Городок и Волочок, завещанные ею Евдокии Дмитриевне. После смерти Феодосии все эти волости должны были отойти к великой княгине Евдокии. «Примыслы» Дмитрия Донского и Феодосии наделялись особым статусом, их можно было отчуждать по усмотрению Евдокии: «А тѣми своими примыслы всѣми бл(аго)с(ло)вляю кнагиню свою, а в тѣхъ примыслѣх волна моѣ кнагини, с(ы)ну ли которому дасть, по д(у)ши ли дасть. А дѣти мои в то

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. № 17. С. 45 (духовная грамота Владимира Андреевича Серпуховского 1409/1410 г.); № 21. С. 57–58; № 22. С. 60 (второе и третье завещания Василия I Дмитриевича 1420–1425 гг.); № 61. С. 193–194 (духовная грамота Василия II Васильевича 1462 г.).

² О локализации владений Евдокии Дмитриевны см.: [8, с. 33–34; 36, с. 77; 26, с. 139].

не вступаются(а)»[Там же]. Феодосия являлась дочерью Ивана Калиты и женой белозерского князя Федора Романовича [7, с. 23–25]. После гибели Федора Романовича с сыном в Куликовской битве 1380 г. Белоозеро перешло под контроль Дмитрия Донского [6, с. 25]. Вероятно, Феодосия получила волости после сентября 1380 г. и перед своей смертью по завещанию передала их своему племяннику Дмитрию Донскому и его жене.

По верному заключению В.А. Кучкина, выделение Дмитрием Донским части своих владений жене в личную собственность было связано со значительным расширением владений московского великого князя и передачей им своей жене прав гаранта соблюдения условий его завещания [22, с. 11, прим. 13].

Исходя из содержания второй духовной Дмитрия Донского, можно сделать вывод о том, что Мария Александровна еще при жизни¹ утратила к 1389 г. большую часть своего удела, коломенские волости Мещерку, Песочню, Брашеву, Сельцо, Гвоздну, Ивани, Гжелю, Деревню, Левичину, Скулнев, Маковец, Каневу, Городну, Похряне, Усть-Мерску, московские села Малаховское, Костантиновское, Островское, Орининское, Копотенское, Малино, которые переходили старшему сыну Дмитрия Московского Василию. Волость Заберега и село Напрудское достались Андрею, село Новое Петру Дмитриевичам. Волость Заячков, села Илмовское и Микульское после смерти Дмитрия Ивановича должны были отойти жене Евдокии Дмитриевне [34, с. 132–134]. За Марией оставались лишь волости Мезынь, Середокоротна, Кошира, Горки, Горетовка, село на р. Северке. По мнению А.Б. Мазурова, к 1389 г. Песочня поглотила территорию Середокоротны [37, с. 68]. Следовательно, Дмитрий Донской не посчитался не только с завещанием своего дяди, но и отца, и забрал значительные владения у Марии Александровны [26, с. 144]. Любопытно, что Мария первой из московских княгинь завещала земли монастырю. Речь идет о волости Заберега, которую она пожаловала московскому кремлевскому Спасскому монастырю. Великая княгиня попыталась распорядиться волостью как своей вотчиной, личной собственностью, но Дмитрий Московский не оставил Заберегу за Спасским монастырем, а забрал ее себе и завещал сыну Андрею, приказав сыновьям давать обители взамен по 15 руб. ежегодно [26, с. 174; 34, с. 136].

В.А. Кучкин полагает, что в руках у Марии все же остались владения, ранее принадлежавшие тетке Семена Ивановича, Анне Даниловне, волости Вышгород, Рудь, Кропивна, Сушев, Гордошевичи, Гремичи, Заячков [26, с. 157], упоминаемые в договоре 1372 г. Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским [19, с. 77; 20, с. 12–13]². Эти территории располагались на юго-западе Московского княжества, в бассейне верхнего и среднего течения р. Протвы и по условиям договора великого князя с двоюродным братом должны были отойти Владимиру Андреевичу после смерти Марии Александровны. В соответствии с волей Ивана Ивановича эти земли передавались «по животе» Марии Александровны жене московского князя Александре, но Александра умерла 27 декабря 1364 г.³ В связи с этим пункт завещания о наследнике владений Марии был изменен, и земли в конечном счете должны были достаться Владимиру Серпуховскому. Доказательством этого является договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1372 г. интересно еще и тем, что в нем впервые встречается слово «удел» применительно к владениям московских княгинь. В договоре говорится о «кнагинине оудѣле Оульанинѣ» [10, № 7, с. 23]⁴. Ранее термин «удел» для обозначения владений московских княгинь в духовных

¹ Мария Александровна умерла в 1399 г. (ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 137).

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. № 7. С. 23.

³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 78.

⁴ Ульяна умерла к 1372 г., поскольку в договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем сказано о разделе между контрагентами дани, собиравшейся с удела великой княгини [20, с. 15–16].

завещаниях и dokonчаниях не встречается. Княгине-вдове Ульяне «до живота» по духовным мужа Ивана Калиты и сына Ивана передавались волости Мушкова гора, Радонеж, Бели, Воря, Черноголовль, на Воре слободка Софроньевская, Вохна, Деиково Раменье, Данилищова слободка, Машев, Селна, Гуслица, Раменье, села Михайловское, село у озера, Радонежское, Деигуниинское, Тыловское, Рогож, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на р. Яузе, два села коломенских. Среди владений Ульяны нет ни одного города, указаны только волости и села. Следовательно, под уделом княгини имелись в виду земли, передаваемые им пожизненно и составлявшие часть государственной территории Московского княжества в отличие от опричнины, которой они могли свободно распоряжаться [40, с. 120]¹. В литературе отмечено, что великие княгини в XIV в. не имели уделов в собственном смысле этого слова, поскольку в отличие от братьев московского великого князя не владели городами, а только волостями и селами [3, с. 102; 38, с. 241]. По наблюдению А. Б. Мазурова, первой полноправной удельной правительницей по завещанию Владимира Андреевича Серпуховского, составленному в конце 1409 — начале 1410 г., в Московском княжеском доме стала Елена Ольгердовна: княгиня получила от мужа город Лужу с 15 волостями и 4 слободами, селами и деревнями [10, № 17, с. 47; 38, с. 241–242]. Если быть точными, то первой из московских княгинь, пожалованной городами по завещанию, стала Мария Александровна, которой Семен Иванович в 1353 г. передал Коломну и Можайск, хотя вскоре Иван Иванович отобрал у нее эти города. Однако речь не только об этом. Если говорить об уделах в узком значении слова, то великие княгини в XIV в., подобно братьям московского великого князя, действительно, не распоряжались городами и, как правило, не получали во владение города Московского княжества. Владения вдов несколько отличались от уделов мужских представителей московского правящего дома. Но если брать понятие «удел» в широком смысле, подразумевая под ним часть государственной территории, передаваемой пожизненно с предоставлением суверенных прав (полной административной, судебной, хозяйственной, налоговой автономии), то можно говорить о появлении у великих княгинь собственных уделов уже с конца княжения Ивана Калиты.

Выводы

Суммируя все вышесказанное о московских княгинях, их владениях и политической роли по данным завещаний великих князей Московских XIV в., следует отметить, что с княжения Дмитрия Донского жена московского правителя становится высшим судьей в земельных спорах своих сыновей, верховным арбитром при возникновении конфликтов между старшим сыном и его младшими братьями. Дети не должны были выступать из воли матерей «ни в чем». В России в отличие от Западной Европы не сложился институт регентства. Поэтому ни в одном из завещаний московских великих князей XIV–XV вв. не говорится о назначении великих княгинь регентами. Однако в политической жизни могли возникнуть ситуации, когда великие княгини фактически становились соправительницами при своих малолетних детях. Кроме этого, в великокняжеской семье могли возникать конфликты из-за раздела выморочных уделов. Территория Московского княжества расширилась, увеличился объем

¹ Впервые термин «оприщина» в значении вотчинного владения великой княгини встречается в первой духовной Василия Дмитриевича 1406/1407 г. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. № 20. С. 56). В духовной Василия I разделяются земли, переданные княгине пожизненно, и собственно оприщина. Как следует из завещания, оприщина также назначалась из великокняжеских вотчин (сел) и поступала в полное распоряжение княгини. В этом плане оприщина была близка собственным куплям («примыслам») княгини.

земель, передаваемых сыновьям московских правителей. В связи с этим великие князья стали включать в свои завещания статьи, которые не только подтверждали получение женами особого прожиточного удела, но и делали княгинь главными гарантами безопасности и сплоченности внутри великокняжеской семьи. Обладание личным двором, суверенными правами в своих владениях должны были усилить позиции великих княгинь в роли связующего звена между старшим сыном и его родными братьями. В условиях неспокойной политической обстановки (зависимости от Орды, феодальных распрей, дележа выморочных уделов, внутрисемейных ссор и пр.) доверие московских правителей к своим женам, выразившееся в содержании великокняжеских духовных грамот, становилось важным фактором поддержания стабильности и укрепления центральной власти на протяжении XIV в.

Литература

1. Абуков С. Н. К вопросу о происхождении тетки Семена Гордого княгини Анны // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 5–11.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 238.
3. Алексеев Ю. Г. Духовные грамоты князей московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 18. Л. : Наука, 1987. С. 93–110.
4. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. : Наука, 1969.
5. Горский А. А. Москва и Орда. М. : Наука, 2000.
6. Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда : Древности Севера, 2019.
7. Грязнов А. Л. Княгиня Федорова Федосья // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. М. : Изд-во «Экон-информ», 2008. С. 23–38.
8. Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 1. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1901.
9. Дедук А. В. Погосты Рязанского Ольгова монастыря XIII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 26–36.
10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
11. Каштанов С. М. Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // Археографический ежегодник за 1974 г. М. : Наука, 1975. С. 94–116.
12. Конявская Е. Л. Данные о русских княгинях в княжеских завещаниях и договорных грамотах XIV–XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 180–184.
13. Конявская Е. Л. Древнерусские княгини XI–XIII вв. и их владения и роль в политической и церковной жизни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 7–14.
14. Конявская Е. Л. Тверские княгини и их роль в семейной, общественной и хозяйственной жизни // Вестник ТвГУ. Сер. «История». 2020. № 4 (56). С. 16–32.
15. Кром М. М. Институт регентства на западе и востоке Европы: опыт сравнительно-исторического исследования // Образы прошлого. Сб. статей памяти А. Я. Гуревича. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 411–426.
16. Кузьмин А. В. Из истории Можайских землевладельцев в XIV — начале XV в. (Вельяминовы, Валуевы, Новосильцовы) // Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Ю. Г. Алексеева. М. : Древлехранилище, 2006. С. 230–253.
17. Кучкин В. А. «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 149–158.
18. Кучкин В. А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. Вып. 8. М. : Рос. унив. изд-во, 2009. С. 101–175.
19. Кучкин В. А. Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 60–77.

20. Кучкин В. А. Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 5–22.
21. Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича // Средневековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. Вып. 5. М. : Рос. ун-в. изд-во, 2004. С. 191–280.
22. Кучкин В. А. Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сб. статей памяти В. И. Буганова / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Ин-т российской истории РАН, 1993. С. 4–11.
23. Кучкин В. А. Московские Юрьковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. Т. 4 (151). М. : Руниверс, 2013. С. 6–71.
24. Кучкин В. А. О датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М. : Наука, 1989. С. 99–106.
25. Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. Вып. 2. М. : Рос. ун-в. изд-во, 1999. С. 46–78.
26. Кучкин В. А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. Вып. 3. М., 2001. С. 122–123.
27. Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1989. М. : Наука, 1989. С. 206–225.
28. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. / [1336 г.] Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 95–108.
29. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. / [1339 г.] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 129–132.
30. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. / [1353 г., апреля 24–25] Душевная грамота великого князя Семена Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 123–125.
31. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. / [1359] Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 97–101.
32. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. / [1359] Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 93–100.
33. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. / [Январь 1372] Первая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 110–113.
34. Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. / [1389 г., марта 25 — мая 16, вероятнее всего первая половина мая] Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 132–136.
35. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры. СПб. : Евразия, 2020.
36. Любавский М. К. Образование государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л. : Изд-во АН СССР, 1929.
37. Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М. : Александрия, 2001.
38. Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М. : Инлайт, 2008.
39. Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг. : Тип. Я. Башмакова и Ко, 1918.
40. Пушкирева Н. Л. Женщины Древней Руси. М. : Мысль, 1989.
41. Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М. : Тип. Высш. парт. школы при ЦК ВКП(б), 1947.
42. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948.
43. Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1891.

Об авторе:

Корзинин Александр Леонидович, главный научный сотрудник лаборатории руссиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления РАНХиГС; профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории

References

1. Abukov S.N. To the questions about the origin of the aunt Semyon Gordy Princess Anna // *Izvestia of Saratov University. New ser. History. International relationships* [Izvestiia Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia]. 2017. Vol. 17. Is. 1. P. 5–11. (In Rus)
2. Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia of the end of the XIV — beginning of the XVI century. Vol. 3. M., 1964. N 238. (In Rus)
3. Alekseev Yu.G. Testaments of the princes of the Moscow house of the XIV century as a source on the history of the system of destinies // *Auxiliary historical disciplines* [Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny]. Vol. 18. L. : Nauka, 1987. P. 93–110. (In Rus)
4. Veselovsky S.B. Studies in the history of the landlord service class. M. : Nauka, 1969. (In Rus)
5. Gorskiy A.A. Moscow and the Horde. M. : Nauka, 2000. (In Rus)
6. Gryaznov A.L. Belozerskii acts of the XIV–XVI centuries: research and list. Vologda : Drevnosti Severa, 2019. (In Rus)
7. Gryaznov A. L. Princess Fedorova Fedosya // *Yearbook of Historical and Anthropological Research*. 2008. M. : Publishing house "Econ-inform", 2008. P. 23–38. (In Rus)
8. Debolsky V.N. Spiritual and contractual letters of the Moscow princes as a historical and geographical source. P. 1. SPb. : Tipogr. of. I.N. Skorokhodova, 1901. (In Rus)
9. Deduk A.V. Churchyards of the Ryazan Olga Monastery of the XIII–XIV centuries // *Ancient Russia. Questions of medieval studies* [Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki]. N 1 (59). 2015. P. 26–36. (In Rus)
10. Spiritual and contractual letters of the great and specific princes of the XIV–XVI centuries / ed. L.V. Cherepnin. M.; L., 1950. (In Rus)
11. Kashtanov S.M. Russian princely acts of the X–XIV centuries (up to 1380) // *Archaeographic Yearbook for 1974* [Arkheograficheskii ezhegodnik za 1974 g.]. M. : Nauka, 1975. P. 94–116. (In Rus)
12. Konyavskaya E.L. Data about Russian princesses in testaments and treaties of the XIVth — beginning of the XVIth century // *Ancient Russia. Questions of medieval studies* [Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki]. 2020. N 3 (81). P. 180–184. (In Rus)
13. Konyavskaya E.L. Old Russian princesses of the XI–XIII centuries and their landowners and role in political and church life // *Ancient Rus. Questions of medieval studies* [Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki]. N 3 (85). 2021. P. 7–14. (In Rus)
14. Konyavskaya E. L. Tver princesses and their role in family, social and economic life // *Vestnik TvGU. Series "History"* [Vestnik TvGU. Seriiia "Istoriia"]. 2020. N 4 (56). P. 16–32. (In Rus)
15. Krom M. M. Institute of Agency in the West and East of Europe: the Experience of Comparative Historical Research // *Images of the Past. Sat. articles in memory of A. Ya. Gurevich*. SPb. : Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2011. P. 411–426. (In Rus)
16. Kuzmin A.V. From the history of the Mozhaishk landowners in the XIVth — early XVth centuries. (Velyaminovs, Valuevs, Novosiltsovs) // *Research on the history of medieval Russia: to the 80th anniversary of Yu. G. Alekseeva*. M. : Drevlehranilishche, 2006. P. 230–253. (In Rus)
17. Kuchkin V.A. "His uncle" of the testament of Simeon Gordy // *History of the USSR*. 1988. N 4. P. 149–158. (In Rus)
18. Kuchkin V.A. The treaty of 1348 between the Grand Duke Simeon Ivanovich with the brothers Ivan Zvenigorodsky and Andrei Serpukhovskiy // *Medieval Russia* / ed. A. A. Gorsky. Is. 8. M. : Ros. univ. publishing house, 2009. P. 101–175. (In Rus)
19. Kuchkin V.A. The treaty of 1372 between the Grand Duke Dmitry Ivanovich and Vladimir Andreevich Serpukhovskiy // *Ancient Rus. Questions of medieval studies* [Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki]. 2007. N 1 (27). P. 60–77. (In Rus)
20. Kuchkin V.A. The treaty of 1372 between the Grand Duke Dmitry Ivanovich and Vladimir Andreevich Serpukhovskiy // *Ancient Rus. Questions of medieval studies* [Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki]. 2007. N 3 (29). P. 5–22. (In Rus)
21. Kuchkin V.A. Spiritual certificates of the Moscow Grand Duke Ivan Ivanovich // *Medieval Russia* / ed. A. A. Gorsky. Is. 5. M. : Ros. univ. publishing house, 2004. P. 191–280. (In Rus)
22. Kuchkin V.A. Princess Anna — Simeon Gordy aunt // *Research on the source study of the history of Russia (until 1917). Collection of articles in memory of V.I. Buganova* / ed. N.M. Rogozhin. M. : Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1993. P. 4–11. (In Rus)

23. Kuchkin V.A. Moscow Rurikovichs (genealogy and demography) // Historical Bulletin [Istoricheskii vestnik]. Vol. 4 (151). M. : Runivers, 2013. P. 6–71. (In Rus)
24. Kuchkin V.A. On the dating of the will of Simeon Gordy // Ancient states on the territory of the USSR. Materials and research. 1987. M. : Nauka, 1989. P. 99–106. (In Rus)
25. Kuchkin V.A. The first spiritual certificate of Dmitry Ivanovich Donskoy // Medieval Russia / ed. A.A. Gorsky. Is. 2. M. : Ros. univ. publishing house, 1999. P. 46–78. (In Rus)
26. Kuchkin V.A. The last testament of Dmitry Donskoy // Medieval Russia / ed. A.A. Gorsky. Is. 3. M., 2001. P. 122–123. (In Rus)
27. Kuchkin V.A. How many testaments of Ivan Kalita have survived? // Source study of Russian history: Coll. of articles. 1989. M. : Nauka, 1989. P. 206–225. (In Rus)
28. Kuchkin V.A. The publication of the testaments of the Moscow princes of the XIV century / [1336] The first mental letter of Grand Duke Ivan Danilovich Kalita // Old Russia. The questions of middle ages [Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki]. 2008. N 1 (31). P. 95–108. (In Rus)
29. Kuchkin V.A. The publication of the testaments of the Moscow princes of the XIV century / [1339] The second mental letter of Grand Duke Ivan Danilovich Kalita // Old Russia. The questions of middle ages [Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki]. 2008. N 2 (32). P. 129–132. (In Rus)
30. Kuchkin V.A. The publication of wills of the Moscow princes of the XIV century / [1353, April 24–25] The spiritual letter of Grand Duke Semyon Ivanovich // Old Russia. The questions of middle ages [Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki]. 2008. N 3 (33). P. 123–125. (In Rus)
31. Kuchkin V.A. The publication of the testaments of the Moscow princes of the XIV century / [1359] The first mental letter of Grand Duke Ivan Ivanovich // Old Russia. The questions of middle ages [Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki]. 2008. N 4 (34). P. 97–101. (In Rus)
32. Kuchkin V.A. The publication of the testaments of the Moscow princes of the XIV century / [1359] The second mental letter of Grand Duke Ivan Ivanovich // Old Russia. The questions of middle ages [Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki]. 2009. N 1 (35). P. 93–100. (In Rus)
33. Kuchkin V.A. The publication of wills of the Moscow princes of the XIV century / [January 1372] The first mental letter of Grand Duke Dmitry Ivanovich // Old Russia. The questions of middle ages [Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki]. 2009. N 2 (36). P. 110–113. (In Rus)
34. Kuchkin V.A. The publication of wills of the Moscow princes of the XIV century / [1389, March 25 — May 16, most likely the first half of May] The second mental letter of Grand Duke Dmitry Ivanovich // Old Russia. The questions of middle ages [Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki]. 2009. N 3 (37). P. 132–136. (In Rus)
35. Litvina A.F., Uspensky F.B. “Behold the servant of God ...” Multiple names as a factor and fact of ancient Russian culture. SPb. : Eurasia, 2020. (In Rus)
36. Lyubavsky M.K. Formation of the state territory of the Great Russian people. Settlement and unification of the center. L. : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1929. (In Rus)
37. Mazurov A.B. Medieval Kolomna in the 14th — first third of the 16th centuries. A comprehensive study of the regional aspects of the formation of a unified Russian state. M. : Alexandria, 2001. (In Rus)
38. Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. The Russian destiny of the epoch of the creation of a united state: the Serpukhov udel in the middle of the XIV–first half of the XV centuries. M. : Inlayt, 2008. (In Rus)
39. Presnyakov A.E. Formation of the Great Russian state. Essays on the history of the XIII–XV centuries. Pg. : Tipogr. of. Ya. Bashmakova and Co., 1918. (In Rus)
40. Pushkareva N.L. Women of Ancient Russia. M. : Mysl', 1989. (In Rus)
41. Tikhomirov M.N. Ancient Moscow. M. : Publishing Higher school under the Central Committee of the Vkp (b), 1947. (In Rus)
42. Cherepnin L.V. Russian feudal archives of the XIV–XVI centuries. P. 1. M.; L. : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948. (In Rus)
43. Ekzemplarskii A.V. Great and appanage princes of Northern Russia in the Tatar period from 1238 to 1505. Vol. 2. SPb. : Tipogr. of. Imp. Academy of Sciences, 1891. (In Rus)

About the author:

Alexander L. Korzinin, Chief Researcher of Laboratory of Russian Studies, Eurasianism and Sustainable Development of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa; Professor of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century, the Institute of History of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of History, Associate Professor; a.korzinin@spbu.ru